

Плеонастические причастия в современной русской речи: функции и тенденции развития

Ю. М. Кувшинская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); k Julia4@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6363-5175

Н. А. Зевахина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); nzevakhina@hse.ru; ORCID: 0000-0002-1187-0680

Аннотация. Статья посвящена современным плеонастическим употреблением полных атрибутивных причастий в русской письменной речи. На материале двух корпусов (НКРЯ и КРУТ) и коллекции примеров, собранных вручную, описаны основные типы употребления таких причастий и характерные для них языковые эффекты: выражение избыточной анафорической связи, определенности, аспектуальных и таксисных значений, экспликация пресуппозиций, нарушение коммуникативной структуры, избыточная кванторная семантика. Рассматриваются причины плеонастического употребления причастий, в том числе использование глагольно-именных коллокаций для образования именной группы с причастием.

Ключевые слова: причастие, нестандартная речь, пресуппозиция, коммуникативная структура, анафора, определенность, квантификация, коллокации, канцеляризм, письменная речь, устная разговорная речь.

Благодарности. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Tendencies in the use of full participles in the Russian written discourse: semantics and pragmatics of non-standard patterns

Yuliya M. Kuvshinskaya

HSE University (Moscow, Russia); kjulia4@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6363-5175

Nataliya A. Zevakhina

HSE University (Moscow, Russia); natalia.zevakhina@gmail.com;
ORCID: 0000-0002-1187-0680

Abstract. The paper studies tendencies in the use of full, single (i.e., occurring without their arguments) redundant participles in the attributive position in Russian written discourse. Relying upon the data of the Russian National Corpus and the Corpus of Russian Student Texts, as well as on a number of examples collected from various written sources, the prevalent types of the use of redundant participles and their semantic, grammatical, pragmatic, and communicative effects are described. The first of the four identified types is the redundant, anaphoric use of participles where they refer to certain fragments of the previous discourse. Type two represents unnecessary use of appositive participles meant to explicate some presupposed information even though it has been already conveyed by the main clause. Type three emerges where appositive participles break the basic information structure in that they either convey some new information or actualize information that has been already introduced in the previous discourse. Type four is found where the speaker provides redundant quantification information by inserting participles derived from verbs like *suščestvovat'*, *imet'sja* 'exist', 'be available', etc. Moreover, the use of redundant participles express definiteness, aspectual or taxis meanings are described, as well. The paper looks into the reasons that underlie the varying linguistic phenomena. It demonstrates that these include the mutual interference of the strategies of oral and written discourses, as well as the influence of official, business, or neutral speech patterns. Moreover, in many cases redundant participles are formed from fixed word combinations (collocations). The speakers use such ready-made combinations that are (semi-)automatically available to them in their vocabulary. The authors argue that the use of such pleonastic participles may be considered as a manifestation of some ongoing grammaticalization processes.

Keywords: participle, non-standard uses, presupposition, information structure, anaphora, determinacy, quantification, collocations, official style, written discourse, oral discourse.

Acknowledgments: The research was carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Program.

1. Введение

Исследование посвящено одной из современных тенденций в употреблении атрибутивных одиночных полных действительных и страдательных причастий, а именно, плеонастическим употреблением, см. (1) и (2).

- (1) *В современном мире СМИ играют важнейшую роль, являясь главным источником информации о происходящем в мире и вокруг нас. Значимость эта растет из года в год, как и число потребителей **предоставляемой** информации.* [КРУТ]
- (2) *При правильном подходе коллектив сотрудников с различными точками зрения на одну и ту же проблему (но при этом склонных к компромиссам) находит самые эффективные и хитроумные способы решения **имеющихся проблем**.* [Кадры, которые нам не подходят // «Computerworld», 2004 (НКРЯ)]

Как в (1), так и в (2) причастие избыточно, оно может быть опущено без ущерба для смысла, см. (1а) и (2а).

- (1а) *⟨...⟩ как и число потребителей (этой) информации.*
- (2а) *⟨...⟩ находит самые эффективные и хитроумные способы решения проблем. / находит самые эффективные и хитроумные способы ее решения.*

Заметим, что в (1а) причастие избыточно лексически, но в семантико-прагматическом отношении оно выполняет функцию указания на определенность именной группы (ИГ) *информация*. Автор примера, очевидно, считал необходимым подчеркнуть определенность

ИГ, что, однако, со стилистической точки зрения было бы предпочтительнее сделать при помощи других, неплеонастических средств — например, с помощью местоимения *этот* (1а) (см. подробнее 2.1). В (2а) можно было бы опустить не только причастие, но всю именную группу (т. е. *имеющихся проблем*), поскольку смысл восстанавливается из контекста.

Избыточность является одним из свойств речи и текста и в грамматической системе может быть обязательной для выражения, т. е. нормативной. Однако в данном случае плеоназм представляется явлением стилистическим, и не только необязательным с точки зрения грамматики или семантики, но и не обоснованным функцией эмоционально-экспрессивного усиления, которая бывает присуща выразительному плеоназму. (О типах плеоназма и его соотношении с нормой см.: [Виноградов 1990; Василевская 1997; Розенталь 2010: 188–189; Солганик, Дроняева 2008: 112; Голуб 2007: 19–23, Бельчиков 2012: 312–313]. По сути, здесь это разновидность многословия, стилистическая неудача.

Одновременно подобные употребления причастий могут быть отнесены к канцеляризмам, т. е. к необоснованному использованию средств официально-делового стиля в иных стилях (см. подробнее *Раздел 4*), что тоже является нарушением стилистического стандарта (о канцелиризмах см.: [Шварцкопф 1990; также [Розенталь 2010: 185–188; Солганик, Дроняева 2008: 100–103; Голуб 2007: 71–74]). В современной речи некоторые из них превращаются в официально-деловые клише: *спасибо за предоставленную возможность*; *извините за доставленные неудобства*; *решать возникающие проблемы*; *ответить на все интересующие вопросы*; *перейти к рассматриваемому вопросу* и др.

Тем не менее плеонастические одиночные причастия имеют некоторое распространение в речи. Такие случаи наблюдаются в хорошо отредактированной письменной речи советской эпохи. Так, из 2000 примеров предложений с именными группами, состоящими из существительного-вершины и полного причастия без зависимых слов, при случайной выборке по запросу «partsp & plen на расстоянии от 1 до 2 от S» за 1950–1970 гг. из Основного корпуса НКРЯ

плеонастическое причастие содержали 17 контекстов (т. е. 0,85%)¹ (см. 1.1, также *Таблицу 1*).

В современной речи при поиске в Основном корпусе НКРЯ за 2016–2020 гг. при таких же условиях поиска в выборке из 2054 примеров было обнаружено только 6 примеров с избыточным причастием (0,29%), а в выборке за 2021–2022 гг. из 807 примеров плеонастическое причастие содержали 13 (1,6%)².

Таким образом, с одной стороны, плеонастические употребления причастий слишком редки, чтобы считать их закрепленными в узусе (отметим, что частотность традиционно признается одним из ведущих (хотя и не единственным) критериев нормативности [Ицкович 1968: 28–46; Ицкович 1970: 25–28; Петрищева 1967; Горбачевич 1978: 31–38 и др.]). С другой стороны, плеонастические причастия, будучи вполне грамматичными, не производят впечатление недопустимых. С целью проверки того, как воспринимаются плеонастические причастия современными носителями языка, мы провели небольшой опрос респондентов (N=21)³, специальность и род занятий которых дают основания рассматривать их мнение как экспертное⁴.

¹ Стоит отметить, что более половины примеров (11 из 17) содержались в одном и том же документе — в дневниках П. С. Непорожного, министра энергетики СССР с 1962 по 1985 год; иначе говоря, эти употребления не подвергались строгому редактированию, поскольку отражали личный стиль автора.

² Различия в частотности в выборках за конец 2010-х гг. и начало 2020-х объясняются, как кажется, долей научно-учебных текстов в конкретной выборке, потому что именно в них преимущественно встречаются плеонастические причастия, см. *Раздел 4*.

³ Подробнее об условиях опроса см. Приложение по ссылке: <https://docs.google.com/document/d/1eLmjWnrGUSHk2vdA3kzsLfk05BahFURT3yJQcslHn1s/edit?usp=sharing> (дата обращения: 29.04.2022).

⁴ Важно отметить, что данные опроса привлекались в качестве дополнительного источника и не являются ни главным, ни единственным критерием оценки того или иного примера. Немногочисленность респондентов; недетализированность эксперимента; то, что опрос респондентов из числа студентов направления «Журналистика» проводился на занятии, устно, не изолированно друг от друга

Результаты опроса показали, что примеры плеонастического употребления причастий оцениваются респондентами по-разному: большая часть (более 80 % ответов) — как нестандартные (недопустимые в принципе или не свойственные нашим респондентам, хотя и встречающиеся в речи), однако некоторые примеры — как в целом приемлемые, хотя стилистически и коммуникативно не самые удачные.

Иначе говоря, исходя из результатов опроса и общей стилистической оценки примеров, рассматриваемые здесь плеонастические варианты употребления причастий представляют собой континуум примеров разной степени стилистической приемлемости, но в любом случае пока не закрепившихся в узусе и достаточно непривычные для носителей русского языка.

В то же время такие примеры в речи не единичны, они встречаются как в письменной, так и в публичной устной речи; в научной, производственной, официально-деловой и публицистической сфере. В последние годы они становятся заметны в разных жанрах и формах публичной речи, начиная от выступлений в СМИ политических деятелей и заканчивая телеграм-каналами экономистов и военкоров.

Иначе говоря, эти употребления обладают определенной регулярностью: они повторяются в речи на протяжении как минимум полувека, они встречаются в современном публичном дискурсе, как устном, так и письменном. Именно это заставляет думать, что за регулярными в речи однотипными стилистическими неудачами стоит поиск способов выражения тех или иных значений, попытка лучшей коммуникативной организации высказывания. Стоит заметить, что необходимость описания регулярных речевых отклонений и их причин является одним из важнейших постулатов современных исследований в области нестандартной речи (см. [Кукушкина 1998; Русакова 2013: 53; Биккулова 2010: 11–12] и др.), поскольку,

не позволяют считать результаты этого опроса исчерпывающими. В то же время эти данные являются интересным и важным свидетельством восприятия плеонастических причастий носителями языка.

как указывает Ю. Д. Апресян, классифицируя типы речевых аномалий, именно «регулярные ненамеренные ошибки» можно рассматривать как вероятные «точки роста» новых явлений [Апресян 1990: 64])⁵.

Всем вышесказанным вызвано обращение к изучению плеонастических употреблений причастий. Целью работы является систематизация случаев избыточного употребления полных причастий и выяснение причин подобных употреблений, а именно:

- какие стратегии стоят за избыточными употреблениями одиночных полных причастий?
- о каких тенденциях в семантике и грамматике говорит распространение подобных употреблений?

Структура статьи следующая. В *Разделе 1.1* описаны данные, использованные в работе. *Раздел 1.2* посвящен обсуждению прототипического употребления причастия и типичных отклонений от стандартного употребления этой формы в речи. Далее, в *Разделе 2* следует анализ и выявление типов плеонастического употребления причастий: анафорическая связь (*Раздел 2.1*), экспликация пресуппозиции (*Раздел 2.2*), нарушение коммуникативной структуры (*Раздел 2.4*), избыточная кванторная семантика (*Раздел 2.5*). Попутно рассматриваются грамматические и другие эффекты, возникающие при плеонастическом употреблении причастий (*Раздел 2.3* и др.). *Раздел 3* посвящен явлению, которым, как кажется, обусловлены многие случаи избыточного употребления причастий, — использованию готовых конструкций. В *Разделе 4* обсуждается стилистическая характеристика плеонастических причастий. В *Разделе 5* приводятся данные об употреблении плеонастических причастий в учебной и профессиональной или бытовой взрослой речи. В *Разделе 6* даны основные выводы исследования.

⁵ О значимости отклонений от нормы для понимания динамики языковых явлений см. также [Фрей 2006; Горбачевич 1978: 31; Русакова 2013; Рахилина 2014; Копотев, Стексова 2016 и др.].

1.1. Материал исследования

Примеры плеонастического употребления причастий получены из нескольких источников.

1. Данные Корпуса русских учебных текстов⁶ (КРУТ) — 21 пример; а также примеры из письменных работ студентов НИУ ВШЭ, пока не входящие в КРУТ, — 23 примера. Эти примеры послужили первоначальным материалом для наблюдений, затем было обнаружено, что избыточные причастия характерны и для профессиональной публичной речи взрослых носителей языка.
2. Примеры, собранные вручную из интернет-версий СМИ, из постов в телеграм-каналах известных блогеров и военков, из электронной переписки преподавателей, сотрудников и студентов НИУ ВШЭ; из научной литературы — 54 примера.
3. Данные Основного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) за 2016–2022 годы — 18 примеров (поиск по выборке 2061 пример в общей сложности) и Газетного подкорпуса за 2021–2022 — 10 примеров плеонастических причастий (поиск по выборке 2010 примеров).

В общей сложности 126 примеров из современных текстов.

Дополнительно привлекались данные Основного корпуса НКРЯ за 1950–1970 гг. — 2000 примеров и специализированные выборки примеров из официально-деловой сферы речи за 1950–1980 и 2000–2022 годы — 1922 примера в общей сложности.

⁶ КРУТ представляет собой корпус нестандартного русского языка и содержит тексты разных жанров, написанные студентами разных специальностей в процессе обучения в НИУ ВШЭ (рефераты, эссе, курсовые и дипломные работы и т. п.), отражающие процесс освоения студентами книжной научной речи и содержащие многочисленные и разнообразные нарушения языковых норм. В работе использованы как примеры, находящиеся в КРУТ в открытом доступе, так и примеры из закрытой части: из пока еще не до конца размеченных текстов.

Кроме того, использовались данные Британского национального корпуса (BNC).

1.2. Стандартное и нестандартное употребление полных атрибутивных причастий в русском языке

Употребление причастий, по происхождению старославянской [Борковский, Кузнецов 1981: 275], в русском языке книжной глагольной формы, нередко представляет трудность для носителя русского языка (об ошибках школьников при освоении причастий см. [Цейтлин 1982: 58–60]). Эти трудности обусловлены не только тем, что причастия не свойственны разговорной речи [Земская и др. 1981: 30], но и тем, что причастие, как и деепричастие, и другие нефинитные глагольные формы, образует «свернутую» предикативную единицу, таким образом, вводя в предложение еще один факт, см. [Летучий 2011]. И семантически и синтаксически предложение с причастием организовано достаточно сложно, именно поэтому употребление причастий в устной разговорной речи свидетельствует о высоком уровне речевой компетенции говорящего [Богданова 1993; Рожкова 2009].

В результате ошибки в употреблении причастий стали обязательной темой пособий по стилистике и культуре речи (см. [Розенталь 2010: 320–323; Бельчиков 2012: 276–278] и др.). В пособиях рассматриваются различные ошибки в образовании форм причастий, ошибки в соотношении времени причастия и времени предиката основного предложения, в построении причастных оборотов. Как будет показано далее, эти ошибки могут сопровождать рассматриваемые здесь случаи избыточного употребления причастий.

Плеонастическое употребление причастий в пособиях не упоминается, однако Д. Э. Розенталь отмечает регулярную ошибку опущения пояснительных (зависимых от причастия) слов в причастном обороте в тех контекстах, где эллиптичность не компенсируется контекстом: «вошедших граждан просят уплатить за проезд» [Розенталь 2010: 322]. Этот пример с семантически избыточным причастием (очевидно, что все пассажиры автобуса или вагона попали в него путем

входа; в то же время множество граждан, обязанных заплатить за проезд, в этом контексте не ограничено недавним временем входа, что, видимо, имелось в виду) одновременно может рассматриваться как пример с эллипсисом. Введение зависимого от причастия сирконстанта устраняет и эллипсис и плеонастичность, поскольку причастный оборот в этом случае уточняет референцию именной группы: ср.: «граждан, вошедших на предыдущей остановке, просят уплатить за проезд».

Действительно, плеонастические причастия, исследуемые в этой работе, как правило, могут рассматриваться и как речевая недостаточность, т. е. неоправданный эллипсис зависимых при причастии. Анализируемые здесь плеонастические примеры в большинстве случаев (кроме типа 3, нарушение коммуникативной структуры (см. 2.4)) могут быть приведены к стандарту путем введения зависимых от причастия слов, т. е. восполнения причастного оборота.

- (3) *Оставим на совести обеих сторон утверждения о невиновности высланных дипломатов. <...> За ними пристально следят местные контрразведки, так что кто из дипломатов чем занимается, властям стран, где они аккредитованы, более или менее известно. **Произнесенные формулы** о невиновности являются своего рода стандартом для дипмиссий всех стран в подобных случаях. [«Независимая газета», 26.04.2022 (НКРЯ)]*
- (3а) *Формулы о невиновности являются своего рода стандартом для дипмиссий...*
- (3б) ***Произнесенные представителями МИД обеих стран формулы о невиновности...***

Если в примере (3) причастие повторяет уже известную информацию и эксплицирует пресуппозицию высказывания и поэтому может быть опущено без потери смысла (см. (3а)), то в (3б) при введении зависимых от причастия слов, в данном случае — называющих агенса ситуации, причастный оборот уточняет референцию ИГ «формулы о невиновности», выделяя те, которые были произнесены германскими и российскими представителями МИД, среди всего множества подобных формул.

В то же время необоснованный эллипсис зависимых при причастии не обязательно дает эффект избыточности, см. (4):

- (4) *Планировали построить четыре сотни птицеферм и получать от них по двести тысяч яиц ежедневно... Старицкие власти уже умножали тысячи литров молока на сотни тысяч яиц, **полученные миллионы долларов прибыли** возводили в степень и плыли с этими деньгами по молочной реке с яичными берегами в Москву...* [«Волга», 2016 (НКРЯ)]

Стилистический недочет (эллипсис), критикуемый Д. Э. Розенталем, здесь можно легко исправить введением зависимых слов при причастии:

- (4а) *Старицкие власти уже умножали тысячи литров молока на сотни тысяч яиц, **полученные от продажи всего этого добра миллионы долларов прибыли** возводили в степень и плыли с этими деньгами по молочной реке с яичными берегами в Москву...*

Однако избыточности в исходном примере не было, поскольку эффект избыточности зависит от семантики причастия. Далее мы постараемся показать, что плеонастическими, как правило, становятся причастия определенной семантики (подробнее см. 2.3 и 3).

Рассмотрим прототипические для русского литературного языка употребления полных причастий.

Согласно Русской корпусной грамматике, приименные причастия в типичном для них атрибутивном употреблении, как и другие атрибуты, могут выступать в рестриктивной или аппозитивной (нерестриктивной) функции [Сай 2011].

Причастие выступает в рестриктивной функции, если «ситуация, обозначаемая причастием, называется с целью уточнения референции тех или иных объектов» [Сай 2011], например: *Многие писали контрольную все 4 часа, но некоторые справились гораздо быстрее. **Освободившиеся** студенты бродили по коридорам, сидели в буфете, дожидаясь однокурсников* [те из студентов, которые уже освободились после контрольной].

Причастие выступает в аппозитивной функции, если «сообщается некоторая характеристика модифицируемого имени, при этом сужения референции не наблюдается» [Сай 2011], причастие передает дополнительную информацию, например: *Разыгравшиеся дети не хотели уходить с детской площадки* [дети разыгрались и не хотели уходить].

Другие типы употребления полных причастий (депиктивные, комплементативные, собственно предикативные) не являются в полной мере атрибутивными и в данной работе нас интересовать не будут [Сай 2011].

Употребления причастий, обсуждаемые в данной работе, являются атрибутивными. Однако значительная их часть (см. 2.1, 2.2, 2.3), не соответствуют критериям ни рестриктивности, ни аппозитивности, см. (1), (3), также примеры в 2.1. и 2.2. Пример (1) можно преобразовать так, чтобы причастие употреблялось рестриктивно⁷, добавив зависимые от причастия слова, см. (1б), также (3б).

(1б) *Значимость эта растет из года в год, как и число потребителей предоставляемой медиасферой информации / сведений / данных.*

Другие наши примеры (тип 3 и 4) демонстрируют рестриктивное или аппозитивное употребление причастия, воспринимающееся, однако, как плеонастическое по другим причинам (см. 2.2, 2.3).

В связи с тем, что плеонастическое употребление причастий может заметно отличаться от прототипического употребления, возникает вопрос о том, какие же функции выполняет причастие в описываемых случаях.

⁷ В исходном предложении (1) не очевидно, что речь идет исключительно о той информации, которая предоставляется СМИ, тем более что в предшествующем контексте специально указано, что СМИ является главным (но не единственным) источником информации. Читатель вправе понять выражение «потребителей предоставляемой информации» как «потребителей информации» вообще. Рестриктивное употребление предполагает, что автор с помощью определения намеренно и эксплицитно, недвусмысленно выделяет некоторую часть множества на основании определенного признака. В (1) отсутствие эксплицитного указания на субъект действия, названного причастием, тем самым лишает причастную форму несомненной рестриктивности.

Далее мы рассмотрим основные типы плеонастического употребления причастий и семантические и прагматические эффекты, возникающие при таком употреблении.

2. Типы плеонастических употреблений причастия

В работе выделено четыре основных типа плеонастического употребления причастия в зависимости от того, какими семантическими, прагматическими, коммуникативными эффектами они сопровождаются: 1 — избыточная анафорическая связь, 2 — экспликация пресуппозиции, 3 — изменение коммуникативной структуры, 4 — избыточная кванторная семантика. Далее мы рассмотрим каждый из типов подробнее.

2.1. Тип 1. Анафорическая связь

Причастие содержит дополнительную отсылку к предшествующему контексту, ср. (5)–(8).

- (5) *Стоит отметить, что **поставленную** проблему я буду изучать, не затрагивая грузоперевозки и не сравнивая с аналогичными рынками в других странах, чтобы не углубляться в политическую сферу, а подойти к вопросу со стороны рационального пассажира.* [КРУТ; фрагмент введения, уточнение к постановке проблемы]
- (6) *В **представленной** статье Кронгауз пытается разобраться, как различаются референции именных групп с местоимением всякий и со словами все, каждый.* [КРУТ; введение, продолжение анализа статьи М. А. Кронгауза]
- (7) *22 июня 2022 года в Музее Победы были подписаны документы об учреждении международной премии мира имени*

Льва Толстого. Протокол общего собрания учредителей некоммерческой организации «Фонд международной премии мира имени Л. Н. Толстого» подписали председатель комитета Государственной Думы по международным делам, председатель правления Российского фонда мира Леонид Слуцкий, председатель Правления РИО Константин Могилевский и исполнительный директор РВИО Виталий Мартынюк.

Учрежденная премия будет присуждаться за деятельность, направленную на содействие укреплению мира и международного сотрудничества... [Телеграм-канал «Российское историческое общество»]

Очевидно, что в каждом из этих примеров в предшествующем контексте уже шла речь о ситуации, описываемой причастной клаузой, т. е. причастие передает избыточную информацию. В то же время причастие выражает отсылку к предшествующему контексту, т. е. употребляется анафорически. Поэтому в таких примерах причастие может быть заменено на указательные местоимения (*этот*), на анафорическое прилагательное (например, *данный*); в некоторых контекстах для идентификации референта ИГ не нужны определения, причастие может быть опущено (7):

(5а) *Стоит отметить, что эту проблему я буду изучать, не затрагивая грузоперевозки...*

(6а) *В данной статье Кронгауз пытается разобраться...*

То, что причастие называет признак объектов, введенных ранее в рассмотрение, и при этом не может отрываться от существительного-вершины, дает основания думать, что, вероятно, авторы пытались употребить причастие в рестриктивной функции. Однако в действительности рестриктивная функция здесь не реализуется, поскольку здесь нет уточнения референции, выбора круга референтов из множества. Так, в примере (6) речь идет об одной и той же статье, нет необходимости в корректировке референции, так же как, впрочем, и в анафоре: в примерах (5), (7) проблема, премия, о которых идет речь, охарактеризованы в ближайшем предшествующем контексте.

Отметим, что в то же время в литературной научной (и в целом в книжной) речи одиночное причастие может использоваться анафорически без плеоназма, но оно обязательно имеет рестриктивную функцию (**Указанные изменения не касаются...**). В данном случае в форме причастия употреблена одна из тех лексем, которые закрепились в русском языке (в книжных стилях) в анафорической функции, частично утратили первоначальную семантику [Петрухина, Соколова 2008: 128] и воспринимаются как рестриктивные, в силу чего они и приобретают функцию детерминативов, выделяющих множество объектов, названное ИГ [Петрухина, Соколова 2008: 128]: *указанный, названный* и др. Отметим, что рестриктивная функция причастия часто реализуется с помощью причастного оборота, где зависимые от причастия слова служат для уточнения идентификации выделенного множества объектов (**Опубликованные в 3-том письме; перечисленные А. Ивановым особенности; изложенные выше наблюдения**).

Плеонастическое причастие с функцией отсылки может употребляться и катафорически. Например, именные группы *проведенное исследование, проведенный анализ* во введении к научной статье или разделу монографии в наших примерах отсылают к излагаемому далее исследованию:

- (8) *Снижение численности научно-педагогических работников, и особенно опережающее уменьшение доли молодых преподавателей, в качестве одной из причин может иметь падение престижа профессии. На престижность профессии в обществе влияют материальные, символические и политические факторы. **Проведенное исследование призвано ответить на вопрос, каков сегодня престиж научно-педагогического работника с точки зрения российских и европейских университетских преподавателей.*** [Вводная часть статьи; Вопросы образования / Educational Studies Moscow, 2022, № 2]

В примере (9) катафорическое плеонастическое причастие содержится в заголовке, дополнительно и избыточно соотнося заголовок с содержанием текста:

- (9) **Собранные легенды и мифы про снежного барса** [заголовок материала о легендах; URL: <https://nsportal.ru/detskiy-sad/regionalnyu-komponent/2014/03/02/sobrannye-legendy-i-mify-pro-snezhnogo-barsa>]

Рестриктивному анафорическому употреблению причастий нередко способствует значительная дистанция между предшествующим контекстом и повторным упоминанием тех же реалий с помощью именной группы, включающей причастие. В этих случаях, очевидно, автор предполагает, что после смены темы читатель вправе рассматривать в качестве референтов существительного весь класс соответствующих предметов, а не только те предметы, о которых шла речь ранее, поэтому необходимо уточнение круга референтов с помощью причастия.

Причины плеонастического анафорического употребления причастий, видимо, могут быть различными. Отметим наиболее часто встречающиеся и очевидные.

1. Собственно стремление автора выразить анафорическую или катафорическую отсылку, несмотря на ее очевидную избыточность, может быть обусловлено одновременно **ориентацией на нормы официальной, в том числе юридической, речи**, в которой принято детальное, исчерпывающее указание на предмет (см. *Раздел 4*), и **на нормы устной разговорной речи** (РР), для которой повторы с избыточностью, дополнительная актуализация тех или иных компонентов — стандартные приемы организации дискурса. В [Земская и др. 1981: 32; Гак 1979] разного рода повторы, в частности повторные номинации, в т. ч. избыточные, местоимения и другие средства отсылки к сказанному ранее, лексические актуализаторы, характеризуются как специфические средства связности, характерные для РР.

В связи с этим стоит обратить внимание на то, что более половины наших примеров с анафорическим употреблением плеонастических причастий (18 употреблений) взяты из студенческих работ, поэтому есть основания видеть в плеонастических анафорических причастиях сбой, вызванный неполной освоенностью стратегий

связности речи, присущих письменной научной речи и отличающих ее от РР.

Примеры из текстов взрослых носителей языка взяты, с одной стороны, из научных статей и монографий (3 примера), с другой стороны (12 примеров) — из опубликованных интервью, постов в телеграм-каналах, деловой электронной переписки, отчетных публикаций на сайтах (см. (9)), в которых ориентированность на достаточно официальную, деловую или научную коммуникацию может совмещаться с близостью к устной форме речи. В результате, как представляется, в пограничных речевых сферах происходит интерференция стратегий устной и письменной, нейтральной и официальной речи, вызывающая нестандартные употребления.

2. Стремление авторов эксплицитно **выразить определенность** именной группы, в которую входит причастие. Такое употребление некоторых страдательных причастий (в т. ч. *указанный, предлагаемый, приведенный*) отмечают Е. В. Петрухина и С. В. Соколова [Петрухина, Соколова 2008: 126]. Рассматривая этапы грамматикализации различных лексем и образование новых детерминативов — аналогов артиклей, авторы отмечают этот процесс и у отдельных причастий.

Заметим, что устранение избыточного причастия в этих примерах не всегда дает нам безупречно построенное высказывание. Так, в примерах (5), (11), (12) действительно необходима конкретизация именной группы — например, с помощью местоимения *этот* или причастий и прилагательных с анафорической или дейктической функцией (*обозначенный, указанный, данный, подобный, последний, сегодняшний, вчерашний*), качественных прилагательных:

- (56) *Стоит отметить, что (эту / данную / указанную) проблему я буду изучать, не затрагивая грузоперевозки...*
- (11) *Сразу стоит отметить, что распределение по **выделенным** (ср.: данным / обозначенным / указанным / подобным. — Ю. К., Н. З.) **группам и подгруппам** не всегда было однозначным [КРУТ; введение к курсовой работе, в которой выше уже была дана классификация значений]*

- (12) ...*Передала задачу дизайнеру, по готовности направим файл на согласование. **Выбранный** серый фон достаточно близок по оттенкам между собой, может быть не заметен переход при печати* [электронное письмо менеджера компании «Копирка»]

Причастие, таким образом, действительно ведет себя подобно определенному артиклю.

Обращает на себя внимание то, что референцию имени можно было бы уточнить иначе, например, введя актанты или сирконстанты ситуации:

- (5в) *Стоит отметить, что проблему **организации поставок** <...>*
(11в) *<...> **Распределение глаголов** по группам и подгруппам.*
(12в) ***Выбранный вами** серый фон достаточно близок по оттенкам <...>*

Но авторы не ищут лексико-семантические способы уточнения, а используют семантически опустошенный (в силу избыточности) анафорический показатель определенности, то есть, очевидно, пытаются выразить определенность грамматически.

Возникает вопрос, можно ли говорить здесь о влиянии иностранных языков, прежде всего английского, где категория определенности выражается грамматическими средствами и признак определенности у именной группы обязательно выражен. Влияние европейских языков было бы очевидным, если бы в рассматриваемых русских примерах не было необходимости в выражении определенности, при этом авторы ввели бы избыточное причастие как лексический показатель определенности. Однако в наших примерах маркирование определенности семантически необходимо, и оно, действительно, осуществляется с помощью лексических средств, но не тех, которые являются стандартными в русском языке. Поэтому более вероятной причиной таких употреблений нам представляется недостаточное владение средствами письменной речи, а не влияние иностранного языка.

3. Представляется, что есть и другие причины, во многом способствующие плеонастическому употреблению причастий в целом, в том числе в функции анафоры или катафоры; такие, как **стремление выразить аспектуальные или таксисные значения** (см. 2.3); **использование готовых коллокаций** (см. Раздел. 3).

4. Наконец, стоит отметить, что плеонастическое анафорическое употребление причастий встречается в новостных текстах СМИ, где дословный повтор информации, дополнительная отсылка к ситуации является специальной стратегией, жанровым приемом:

- (13) *Мэр Москвы Сергей Собянин пригласил горожан на мастер-классы по уходу и лечению бездомных кошек и собак, которые проходят в рамках фестиваля «Пасхальный дар» на Тверском бульваре. (...) В рамках **проходящего** фестиваля «Пасхальный дар» на Тверском бульваре работает площадка «Четвероногий друг» — в помощь бездомным животным. [ТАСС]*

Тем не менее фрагмент (13) нельзя признать стилистически удачным по причине необоснованного плеоназма.

2.2. Тип 2. Экспликация пресуппозиции

Причастие употребляется аппозитивно, вводит дополнительное сообщение, которое оказывается избыточным, поскольку уже входит в пресуппозицию клаузы, содержащей ИГ с причастием: (14), (15), (16). При этом автор не стремится осуществить анафорическую отсылку к предшествующему контексту.

- (14) *В языке соц.сетей практически отсутствуют точки, вместо них чаще ставятся скобочки) , или смайлики :) , или вообще ничего не стоит В последнее время заметна тенденция — если человек ставит в **отправляемом сообщении** точку, скорее всего он рассержен на своего собеседника. [КРУТ]⁸*

⁸ Здесь и далее орфография и пунктуация оставлены без изменений. Кроме того, оригинальные примеры могут содержать другие нестандартные

- (14а) *В последнее время заметна тенденция — если человек ставит в сообщении точку, скорее всего он рассержен на своего собеседника.*
- (15) *Для того, чтобы понять «внутреннюю кухню» происходящей реорганизации необходимо разобраться как происходил процесс обмена информацией и значение событий. [КРУТ]*
- (16) *Инженер COWI Уссинг: взорванный «Северный поток» можно починить за несколько месяцев. [РИА «Новости», заголовки и лид]*
- (17) *В ходе классификации опасностей принятия решений системами искусственного интеллекта были выделены три опасности алгоритмизации.
Первая опасность состоит в непрозрачности алгоритмов принятия решений. Например... <...>
Вторая проявляющаяся опасность заключается в ошибочном принятии решения цифровым сервисом. [Тезисы XII международной социологической Грушинской конференции «Общество в поисках баланса» 23–27 мая 2022 г.]*

В примере (17) автор прибегает к экспликации пресуппозиции (существования опасности) лишь при описании второй опасности, видимо, полагая, что дистанция между указанием второй опасности и исходным обобщающим утверждением о наличии опасностей алгоритмизации слишком велика. Однако описывая третий вид опасности, он не использует избыточное причастие ради экспликации пресуппозиции.

Одной из причин необоснованной экспликации пресуппозиции с помощью причастия представляется нам, как и в примерах предыдущего типа, **интерференция письменной и устной разговорной речи**. Скорее всего, в разговорной речи предикация, обозначенная

употребления: грамматические, лексические, стилистические. Мы не редактируем примеры из студенческих текстов, т. е. не вносим иных исправлений, кроме связанных с причастиями и оговоренных в тексте статьи.

причастием, была бы развернута в клаузу с финитным глаголом, поскольку устной разговорной речи свойственна порционная подача информации [Земская и др. 1981: 30, 34; Лаптева 2003: 246]. А. А. Кибрик и В. И. Подлеская, развивая это наблюдение, обозначают единицы устного речевого потока, содержащие сегменты информации, как кванты, или элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ), и показывают, что в синтаксическом отношении одна ЭДЕ представляет собой одну предикацию [Кибрик, Подлеская 2006].

Варианты, возможные в устной речи:

- (14б) *⟨...⟩ Если человек **отправляет сообщение** (или: решил отправить сообщение) и ставит в конце точку / скорее всего / он рассержен / на своего собеседника.*
- (15а) *Когда (Если) **происходит реорганизация** / чтобы понять «внутреннюю кухню» / необходимо разобраться...*
- (16а) *«Северный поток» / **который сейчас взорвали** / можно починить за несколько месяцев.*
- (16б) *Вот сейчас **взорвали** «Северный поток» / его можно починить / за несколько месяцев.*
- (17а) *Вторая **опасность** / которая при этом проявляется, заключается / в ошибочном принятии решения цифровым сервисом.*

В результате, видимо, авторы попытались одновременно сохранить две разных стратегии: экспликацию добавочного сообщения, даже если оно информативно избыточно (стратегия РР), и сворачивание добавочной информации (стратегия кодифицированного литературного языка). Для этого была выбрана книжная форма страдательного причастия, и «компромисс» стратегий оказался стилистически неудачным.

Стоит отметить, что трое наших респондентов пример (14) не сочли нестандартным.

При этом варианты (15а), (16а–б) и (17а), трансформируя ИГ с причастием в придаточное предложение, делают особенно явной топикализацию: глагольная форма, соотносимая с исходным причастием, вместе с существительным — вершиной исходной именной

группы выражает тему высказывания и выдвинута в начало полипредикативного фрагмента (сложного предложения или фрагмента, состоящего из нескольких тесно связанных по смыслу предложений; различие между этими вариантами изложения мысли для устной речи не столь значимы, сколько для письменной). Отметим, что здесь мы придерживаемся того понимания актуального членения в сложном предложении, которое изложено в [Крылова 1992: 119–133] и предполагает наличие разных уровней актуального членения в сложном предложении. Отметим также, что выделение темы характерно не только для сложного предложения, но и для абзаца, в структуре которого обычно есть предложение-тема [van Dijk 1982, ван Дейк 1989].

Судя по всему, напоминание темы высказывания действительно входило в стратегию авторов, применивших плеонастическое причастие, эксплицирующее пресуппозицию в (16), (17). Напоминание темы путем повторов в целом характерно для печатных СМИ, см. (15). В научной статье стремление к актуализации темы могло быть вызвано дистанцией между предложением и исходным утверждением, задающим тему всего большого фрагмента ((17), три опасности алгоритмизации).

Еще одна возможная причина употребления плеонастических причастий, сопровождающегося экспликацией пресуппозиции, связана с тем, что **именная группа с причастием чаще всего образуется на основе коллокации-клише**, например:

- (18) *большое спасибо за **полученные поздравления*** (корпоративная переписка);
- (19) *спасибо за **предоставленную возможность**, выбираю второй способ* (переписка со студентами);
- (20) *Только разобравшись с чем-либо окончательно, {...} рассмотрев все сопряженные случаи и **возникающие вопросы**, человек может гордо заявить, что он это ЗНАЕТ* (студенческая работа).

Видимо, клишированность, «высокая степень автоматизма речи» [Русакова 2013: 65] в значительной мере обуславливают избыточное употребление причастия в этих случаях (подробнее см. *Раздел 3*).

Наконец, во многих примерах, в частности в (15), невозможно опустить причастие без замены его на другое определяющее, конкретизирующее слово или фразу, иначе говоря, **избыточное причастие выступает в том числе и как маркер определенности**, как в примерах, рассмотренных в 2.1.

2.3. Аспектуальные значения и таксис при употреблении плеонастических причастий

Практически все причастия, употребляющиеся плеонастически в рассмотренных выше функциях, обладают семантикой определенного типа: они образованы от экзистенциальных и фазовых глаголов *возникнуть*, *наступить*, *происходить*, *представлять* (в значении «являть»), *иметься*, *собрать* (в значении «приобрести»), *получить* (информацию), *существовать*, а также от любых глаголов в экзистенциальном и фазовом значении, при этом нередко с каузацией (об экзистенциальной семантике глаголов, не принадлежащих к бытийным, см. [Арутюнова, Ширяев 1983]): *проводить* (исследования), *поставить* (проблему) *учреждать* (премию), *разрабатывать* (методы), *взорвать* (уничтожить газопровод), *исполнить* (задание), *вводить* (военное положение), *внести* (законопроект) и др.

Поскольку в этих контекстах нет необходимости в повторном указании на существование / наличие объектов, то возникает эффект плеоназма. Однако вероятно, что для говорящего / пишущего существенна не столько лексическая семантика глагольной формы, сколько ее видо-временные характеристики и таксисное значение, которое причастие способно выражать (см., в частности, [Козинцева 2003]). ИГ с зависимым от существительного причастием представляет собой нефинитную клаузу, обозначает ситуацию, которая так или иначе соотносится с ситуацией, описанной в главной клаузе. Таксисные значения выражаются именно причастием (хотя различные аспектуальные характеристики может выражать и имя, см., например: [Булыгина, Шмелев 1997; Рахилина 2010: 197–213; Цзяхуа 2007] и др.). При семантической избыточности (т. е. неактуальности

лексической семантики причастия) передаваемые причастием грамматические значения становятся особенно существенными, оправдывающими употребление избыточной формы (23), (24).

При этом несомненно, что полное атрибутивное причастие всегда выражает время и таксисное значение в соотношении с предикатом главной клаузы, однако если причастие обладает полнозначной семантикой, то эти грамматические значения не являются единственным вкладом причастия в смысл предложения. Так, в примере (21) причастие выражает предшествование, при этом, будучи семантически полнозначным и употребленным аппозитивно, причастие указывает дополнительный процессуальный признак объекта (книги) — «разбросанные»:

- (21) *На диване возле стола лежало множество **разбросанных** книг...* [«Октябрь», 2013 (НКРЯ)]

С другой стороны, бывают контексты, в которых видо-временные значения причастия нейтрализуются и формы прошедшего и настоящего времени оказываются взаимозаменяемыми («позиция неопределенности», в терминологии М. В. Русаковой [2013: 427–442]); в этих случаях соотношение времени главной и причастной клаузы понимается одинаково, независимо от времени причастия. (⟨...⟩ *Я увидел соседа, выходящего / вышедшего из своей квартиры* (пример М. В. Русаковой [2013: 434]).

В случае употребления плеонастических причастий и вид исходного глагола, и время причастия, напротив, весьма значимы.

Так, в шаблоне отчета о летней практике НИУ ВШЭ графа, в которой нужно кратко описать индивидуальное задание практиканта, названа:

- (22) *«**Исполненное** индивидуальное задание».*

Очевидно, причастие здесь избыточно: если бы в форме различались назначенное и выполненное задания, можно было бы воспринимать такое употребление как рестриктивное, но этого нет; более того, в форме есть графа для отзыва руководителя практики, который, собственно, и должен охарактеризовать степень выполненности задания.

Однако представляется, что плеонастическое причастие прошедшего времени от глагола совершенного вида возникло здесь не случайно, а именно с целью выразить перфектное значение, указать на завершенность практики к моменту составления отзыва. Иначе говоря, причастие выполняет грамматические функции, в то время как семантически оно излишне.

Примечательно, что плеонастические причастия чаще всего выражают предшествование и завершенность действия, перфектность (см. также (3), (4), (5), (6), (7), (10), (14) и др.):

- (23) *Возникшие разногласия способен разрешить только тот человек, который отлично знаком со структурой прошедших кадровых преобразований в компании...* [КРУТ].

В этом студенческом учебном тексте, посвященном теории менеджмента, описана гипотетическая, абстрактная ситуация: речь идет о возможности разногласий при разном темпераменте и типе работы сотрудников. Автор употребляет здесь причастие прошедшего времени от глагола совершенного вида, которое создает двусмысленность: гипотетическая (нереферентная) ситуация подана одновременно как референтная, поскольку разногласия благодаря перфектному значению причастия представлены как наличествующие к моменту речи. Согласно смыслу предложения, они возникли до момента речи и остаются актуальными (соответственно, пропозициональный компонент «возникшие разногласия», по [Падучева 2007: 101–102], приобретает единичный утвердительный референциальный статус). Очевидно, говорящий жертвует точностью референции ради таксиса — ради того, чтобы описать действия менеджера, которые должны последовать сразу после возникновения разногласий).

В то же время есть примеры плеонастических причастий, указывающих на продолжающийся процесс, одновременный с моментом речи (13), (15), (24):

- (24) *Стоит отметить, что происходящие трансформации, наблюдающиеся в нашем образовании, имеют давнюю историю. Они вызваны неуправляемым возникновением новых школ,*

гимназий, колледжей и вузов в 90-х годах. (Студенческая работа)

Очевидная избыточность причастия экзистенциальной семантики при существительном, уже имеющем распространенное определение (причастный оборот), видимо, в глазах автора оправдывалась тем, что это причастие в форме настоящего времени, образованное от глагола несовершенного вида, указывает на актуальное развитие процесса, одновременное с моментом речи.

2.4. Тип 3. Нарушение коммуникативной структуры

При отклонениях типа 3 причастие употребляется аппозитивно, при этом причастная клауза выражает новую рематическую или актуализированную тематическую информацию. В то же время в некоторых примерах причастие, образованное от глагола, включающего семантику фазы действия, может быть опущено, его смысл восстанавливается из контекста, см. пример (26а), в котором глагол имеет семантику начальной фазы действия. Употребление причастия в примерах типа 3 становится причиной нарушения логики высказывания, поскольку дополнительный статус, обусловленный подчиненным положением причастной клаузы, не соответствует реальному значению вводимой ею информации.

Так, в (25) с помощью причастной клаузы сообщается о содержании наблюдений (интерес к вопросу растет).

(25) *«Последние несколько лет мы наблюдаем **растущий интерес** к вопросу использования опасных химических веществ в продуктах электроники...», — замечает Доктор Кевин Бриджес из Исследовательской лаборатории Гринпис.* [КРУТ]

В примерах (26) и (27) причастная клауза вводит важное дополнительное суждение, объясняющее причину того, о чем сказано в главной клаузе (возникла задача изучения и описания экзотических языков и культур; вкралась ошибка).

- (26) *Хотя идея о лингвистической относительности была отчетливо сформулирована уже В. фон Гумбольдтом в 19 в., но мощный импульс получила лишь во второй половине 19 в. в связи с **возникшей** задачей изучения и описания «экзотических» языков и культур.* [КРУТ]
- (26a) *в связи с задачей изучения и описания «экзотических» языков и культур.*
- (27) *«Медицина против... медицины» утверждает: «Голодание по Брэггу — заблуждение века! Сам Брэгг и его последователи просто не заметили **вкравшуюся** ошибку.* [КРУТ]
- (27a) *Сам Брэгг и его последователи просто не заметили ошибку.*

Все эти важные в своем контексте суждения теряют значимость, будучи выражены причастной клаузой. Ср. наблюдения ряда лингвистов о соответствии синтаксической структуры и дискурсивной значимости событий: А. А. Кибрик, ссылаясь на [Haiman, Thompson 1988] упоминает, что более значимые события, входящие в **основную линию** дискурса (mainline), или вынесенные **на первый план** (foregrounded), типично кодируются главными предикациями, а **второстепенные** события (backgrounded) — зависимыми предикациями [Кибрик 2003: 48]⁹.

В рассматриваемых нами примерах оформление дополнительной информации не причастной клаузой, а, например, придаточным предложением приводит к повышению статуса информации, высказывание приобретает логичность, коммуникативный дисбаланс восстанавливается, см. (25б), (26б), (27б).

- (25б) *Последние несколько лет мы наблюдаем, что **интерес** к вопросу использования опасных химических веществ в продуктах электроники **растет**.*
- (26б) *⟨...⟩ в связи с тем, что **возникла** задача изучения и описания «экзотических» языков и культур.*

⁹ Сохранено выделение автора.

(27б) *Сам Брэгг и его последователи просто не заметили, что **вкрась** ошибка.*

Интересно, что оформление предиката нефинитной клаузы в виде отглагольного существительного (или номинализации), а не причастия, тоже помогает восстановить логику текста, см. (25в), (26в).

(25в) *Последние несколько лет мы наблюдаем **рост интереса** к вопросу использования опасных химических веществ в продуктах электроники.*

(26в) *⟨...⟩ в связи с **возникновением** задачи изучения и описания «экзотических» языков и культур.*

Это происходит потому, что отглагольное существительное, в отличие от причастия, является вершиной именной группы: его статус в предложении выше, чем статус причастия. Отглагольные существительные в примерах (25в) и (26в) являются соответственно прямым дополнением и обстоятельством причины и входят в рему высказываний. В результате логика высказывания восстанавливается — прежде всего потому, что информация, выраженная в исходных примерах причастием, коммуникативно высоко значима. Она воспринимается как новая и требует помещения в реме, см. (26б) и (27б). До тех пор, пока эта информация выражена причастной клаузой, ее коммуникативный потенциал не реализуется в полной мере.

Одной из причин такого употребления может быть влияние иностранных языков. Так, в примере (25) сочетание *наблюдаем растущий интерес*, содержащееся в переводе прямой речи носителя иностранного языка, судя по всему, представляет собой кальку. При поиске в Google соответствующего английского выражения *we are seeing a growing interest* находится около 52 тыс. результатов в разных контекстах, например, запись в Twitter:

(28) *We are seeing a **growing interest** from youth in becoming involved in the journey of Reconciliation.* [Jane Goodall CA, 21 июня 2021¹⁰]

¹⁰ Дата обращения: 06.08.2021.

‘Мы видим растущий интерес со стороны молодежи к путешествию ради проекта Примирения [аборигенов Австралии и белого населения]’.

В BNC при простом поиске по n-граммам сочетания *growing interest* было найдено 92 вхождения, частотность — 0,94 per million words.

В современном русском языке употребление фразы *наблюдаем растущий интерес* оказалось тоже не единичным: при поиске в системе «Яндекс» сочетания *растущий интерес* нашлось более 100 результатов. В Основном корпусе НКРЯ при запросе точной формы *растущий интерес* обнаружен 31 пример при объеме всего корпуса 126 901 документ, 337 025 184 слова. Наиболее ранний пример (см. (29)) датируется 1913 г. и не содержит, с нашей точки зрения, нарушения коммуникативной структуры, поскольку именная группа с причастием является подлежащим и ее коммуникативный статус достаточно высок; причастие здесь употреблено аппозитивно, называет дополнительный признак. Вообще большинство примеров этой выборки (20 из 31, т. е. 64,5 %) в коммуникативном отношении кажутся вполне приемлемыми благодаря тому, что ИГ занимает позицию подлежащего или путем инверсии употреблена в начале предложения и содержит эмфазу. В то же время около трети контекстов коммуникативно неудачны, см. информационно перегруженный пример (30).

(29) *Интересным, однако, явлением, на котором нельзя не остановиться, приходится считать беспрестанно **растущий интерес** к старой музыке.* [«День», 1913 (НКРЯ)].

(30) *Можно сказать, не преувеличивая, что мы далеко в этом отношении не удовлетворяем всех тех требований, какие предъявляет нам **растущий интерес** широчайших масс рабочих и крестьян к радио.* [«Радио Всем», 1927 (НКРЯ)].

Иначе говоря, выражение *растущий интерес* известно в русском языке по крайней мере в течение последних 100 лет, частотность его, по данным НКРЯ, увеличилась начиная с 1970-х гг. Вероятно, можно говорить о нем как о современной коллокации. В английском языке

График 1. Сочетание «растущий интерес», поиск точной формы. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в Основном корпусе с 1886 по 2021 г. (НКРЯ)

Graph 1. The phrase 'rastucshii interes' ('growing interest'), search for the exact grammatical form. Distribution by year (frequency per million word forms) in the Main Corpus of RNC from 1886 to 2021

Годы с 1886 по 2021 со сглаживанием 3

оно намного более частотно и, очевидно, представляет собой коллокацию, которая, вероятно, была калькирована в русский язык или, как минимум, повлияла на рост употребления этого сочетания. Сама по себе коллокация не может быть названа нестандартной, однако некоторые примеры с ней демонстрируют не лучшую коммуникативную организацию высказывания.

Другие рассматриваемые в этом разделе сочетания с полными одиночными причастиями не так частотны (как в русском, так и в английском языке) и не могут быть квалифицированы как кальки. Так, сочетание с одиночным причастием *возникшая задача* встретилось в НКРЯ 4 раза, самый ранний пример — 1981 г. В BNC мы не смогли найти аналоги с помощью поиска по n-граммам, иначе говоря, невозможно говорить об устойчивости этих выражений в английском.

Однако само по себе нестандартное и не лучшее с коммуникативной точки зрения оформление значимой информации через именную группу с причастием может быть обусловлено влиянием английского языка, в котором функции, например, действительного причастия (действительные причастия преобладают в нашей выборке) шире, чем в русском: оно может выступать в роли обстоятельства, входить

в состав предиката формы Continuous. Этот вопрос требует специального исследования.

Одновременно с этим проблемная коммуникативная организация высказывания с причастием, как представляется, объясняется в том числе и недостаточной освоенностью средств русской письменной речи. В кодифицированном литературном языке синтаксическое оформление зависит от коммуникативной структуры. Видимо, авторы высказываний недостаточно ясно понимали коммуникативные и синтаксические свойства причастий, и корреляция коммуникативной и синтаксической структуры была нарушена.

Такого типа употребление характерно как для студенческих работ, так и для текстов «взрослых» носителей языка.

Примеры (25) и (26) были предложены респондентам в ходе опроса. Пример (25) сочли допустимым двое респондентов, еще двое дали примеру (25) среднюю оценку — «может быть, так и говорят, но я бы так не сказал(а)». Такая же картина сложилась при оценке примера (26). При этом только по одному респонденту из упомянутых выше четверых одинаково оценили оба примера (назвали оба допустимыми или дали каждому среднюю оценку). Два других респондента отметили разную степень приемлемости этих примеров. Таким образом, мы видим, что оценки респондентов, завершивших образование, были весьма противоречивы: хотя в целом недостаточная приемлемость примеров ими ощущалась, но о явной ошибке речь не шла.

В то же время никто из более требовательных респондентов — студентов направления «Журналистика» — не назвал примеры (25) и (26) стандартными.

2.5. Тип 4. Избыточная кванторная семантика

Еще один, весьма частотный тип избыточного употребления причастий, был выделен нами на несколько иных основаниях, чем типы 1–3. К нему относятся примеры, которые можно было бы отнести к одному из первых двух типов: здесь встречается избыточная

анафора и всегда есть экспликация пресуппозиции. Однако представляется, что причиной употреблений, выделенных нами в тип 4, является стремление авторов ввести с помощью причастия кванторную семантику. Речь идет об определенных лексемах — а именно, причастиях, образованных от глаголов *существовать*, *иметься* и некоторых других в экзистенциальном употреблении (об экзистенциальном употреблении глаголов, не принадлежащих к бытийным, см. [Арутюнова, Ширяев 1983]).

В этой группе есть примеры как с рестриктивным, так и с аппозитивным употреблением, однако преобладают аппозитивные причастия. Тем не менее наше рассмотрение мы начнем с более редких примеров, т. е. с рестриктивного употребления.

В примерах (31) и (32) причастие можно опустить без потери смысла, ср. (31а) и (32а).

(31) *Кроме того, действительно существует объективное несоответствие между нормами европейского права, «Южным потоком» и европейским Третьим энергопакетом, согласно которому компания, добывающая газ, не может являться владельцем газопровода... Впрочем, по мнению эксперта, в условиях высокой зависимости ЕС от газовых поставок есть существенная вероятность, что компромисс будет найден и **существующие** проблемы получатся обойти.* [«Известия», 2014.06.26 (НКРЯ)]

(31а) *⟨...⟩ есть существенная вероятность, что компромисс будет найден и проблемы получатся обойти.*

(32) *Прием на работу узких специалистов часто приводит к внутреннему разладу в коллективе, а вовсе не к исключительному росту производительности. При правильном подходе коллектив сотрудников с различными точками зрения на одну и ту же проблему (но при этом склонных к компромиссам) находит самые эффективные и хитроумные способы решения **имеющихся** проблем.* [«Computerworld», 2004 (НКРЯ)].

(32a) *При правильном подходе коллектив сотрудников с различными точками зрения на одну и ту же проблему (но при этом склонных к компромиссам) находит самые эффективные и хитроумные способы решения {проблем / конфликтов}*¹¹.

Однако поскольку ситуация, к которой отсылает причастная клауза, не названа прямо в предшествующем контексте, а скорее подразумевается, то уместна была бы некоторая конкретизация, уточнение референта — например, как в (31б) или (31в).

(31б) *⟨...⟩ есть существенная вероятность, что компромисс будет найден и **проблемы с законодательством** получится обойти.*

(31в) *⟨...⟩ есть существенная вероятность, что компромисс будет найден и **проблемы, препятствующие строительству**, получится обойти.*

В примере (31в) причастие употреблено рестриктивно и анафорически, оно уточняет круг и тип референтов, введенных в предшествующем контексте.

В исходных примерах (31) и (32) причастия *существующий*, *имеющийся* тоже употреблены рестриктивно и анафорически, однако функция рестриктивности, уточнения, выделения круга референтов из множества возможных, с трудом сочетается с семантикой существования, присущей этим лексемам. В результате возникает специфический эффект кванторности: в примерах утверждается существование объектов; в то же время к этим предметам дается отсылка, поскольку они так или иначе уже упоминались, уже известны. Очевидно, что экспликация семантики существования здесь настолько

¹¹ Этот вариант редактирования, однако, нельзя признать достаточно удачным, поскольку опущение конкретизирующего причастия при наличии в контексте повторного употребления одного и того же слова, отнесенного к разным референтам, приводит к двусмысленности.

Кроме того, в данном случае уместна замена существительного на иное, более конкретное.

логически неуместна, избыточна, что причастия *существующий, имеющийся* приобретают специфическое указательное, анафорическое значение ‘тот, который имеет отношение к делу, который уже известен участникам коммуникации’.

В других примерах причастия с семантикой существования употребляются аппозитивно, указывают на существование как на действие, сопутствующее основному действию, названному в главной клаузе, — что оказывается неудачным. В примере (33) такое причастие может быть опущено, см. также (33а).

(33) *В учреждениях культуры постоянно ведется развитие **существующих** систем безопасности объектов, проводится обучение персонала, тренировки нештатных аварийно-спасательных формирований и другие необходимые мероприятия.* [«Комсомольская правда», 2014.07.24 (НКРЯ)]

(33а) *В учреждениях культуры постоянно ведется развитие систем безопасности объектов, проводится обучение персонала.*

Однако в некоторых примерах, в частности (34), невозможно опустить причастие, здесь необходимо конкретизировать объекты. В стандартной речи это могло бы быть сделано путем конкретизации через указание на тот или иной признак, качественный (34а) или квантифицирующий — определение множества объектов, участвующих в ситуации (34б).

(34) *Живя на кампусе, студенты автоматически включаются в университетскую жизнь и находятся всегда в курсе **происходящих** мероприятий.* [«Богатей» (Саратов), 2003.03.20 (НКРЯ)]

(34а) *Живя на кампусе, студенты автоматически включаются в университетскую жизнь и всегда находятся в курсе **общественных** мероприятий.*

(34б) *Живя на кампусе, студенты автоматически включаются в университетскую жизнь и находятся в курсе **всех / любых / большинства / многих** мероприятий.*

Примечательно, что в кванторной функции могут выступать и причастия от таких глаголов, которые сами по себе не являются кванторными, например, *интересовать* (о кванторном употреблении некванторных слов см. [Литвин 2005; Кустова 2005] и др.).

(35) *В настоящее время любой человек может с высокой долей вероятности получить **интересующую** информацию о нужном человеке абсолютно законным способом, никуда не обращаясь, и не ожидая, пока данные будут сформированы и выданы.* [«Яндекс»]

Причастие здесь можно опустить или заменить на местоимение *любой*, см. (35а) и (35б) соответственно.

(35а) *В настоящее время любой человек может с высокой долей вероятности получить информацию о нужном человеке абсолютно законным способом, никуда не обращаясь и не ожидая, пока данные будут сформированы и выданы.*

(35б) *В настоящее время любой человек может с высокой долей вероятности получить **любую** информацию о нужном человеке абсолютно законным способом, никуда не обращаясь и не ожидая, пока данные будут сформированы и выданы.*

Интересно, что во многих наших примерах одновременно с избыточным указанием на существование объектов дается их квантифицирующая характеристика. Как правило, в причастную клаузу вводится местоимение *все*, см. (36) и (37), а также исправленные варианты (36а) и (37а) соответственно.

(36) ***Все имеющиеся** у вас вопросы по жилищному праву вы можете присылать по адресу редакции или по e-mail: birzha_red@birzhaplus.nnov.ru.* [«Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.05.20 (НКРЯ)]

(36а) ***Любые** вопросы по жилищному праву вы можете присылать по адресу редакции или по e-mail.*

- (37) *Эксперты МВД сообщили, что все существующие признаки лицензионности, в том числе голографические знаки, давно и успешно подделываются и от них лучше вообще отказаться.* [«Известия», 2002.10.03 (НКРЯ)]
- (37а) *Эксперты МВД сообщили, что **любые** / все признаки лицензионности, в том числе голографические знаки, давно и успешно подделываются и от них лучше вообще отказаться.*

В этих примерах причастие можно опустить, а местоимение *все* заменить на местоимение *любые*. Такого типа примеры удивительны тем, что в них, по сути, с помощью сочетания «*все*+кванторное причастие» выражена семантика местоимения *любой* в его значении всеобщности (о значениях всеобщности и свободного выбора у *любой* см. [Падучева 2016]: *любые* — это все существующие, имеющиеся и т. п.).

Возникает вопрос, почему авторы таких высказываний используют не местоимение *любой*, а причастие со значением существования и кванторное местоимение?

Дело в том, что, указывая на реальное или потенциально возможное существование предмета обсуждения, автор высказывания выделяет этот предмет и характеризует его как в некоторой степени конкретный, известный ему самому (в логике кванторы существования соответствуют частным суждениям [Кобозева 2012: 231]). Автор высказывания показывает, что он так или иначе может исчислить совокупность предметов. Добавление кванторного местоимения *все* распространяет свойство известности, существования на весь класс объектов. В то же время обсуждаемая совокупность предметов оказывается ограничена существующими, имеющимися, представленными, интересующими предметами.

Иначе говоря, употребление избыточных причастий в примерах с кванторной семантикой обусловлено желанием выразить специфический смысл: охарактеризовать все предметы данного класса (существующие, имеющиеся в наличии, обсуждаемые) как известные говорящему. Причастия *существующий*, *имеющийся* и т. п. выделяют совокупность обсуждаемых объектов на основе признака

существования, наличия в указанном контексте, таким образом доказывая компетентность говорящего и оправдывая его потенциальное незнание с иными объектами того же рода.

При замене причастия с экзистенциальной семантикой на кванторное местоимение семантический эффект известности, конкретности, выделенности ослабел бы, см. (36а) и (37а).

(36а) *Любые* ваши вопросы по жилищному праву вы можете присылать по адресу редакции или по e-mail.

(37) Эксперты МВД сообщили, что *любые* / *все* признаки лицензионности, в том числе голографические знаки, давно и успешно подделываются и от них лучше вообще отказаться.

Дело в том, что семантика местоимений *все*, *любой* предполагает, что в круг квантифицируемых ими объектов попадают и потенциальные, т. е. те, которые могут существовать, но неизвестны говорящему или не имеют прямого отношения к делу:

все, *всех*, мн. — В полном составе, без исключения. [Словарь 1999]

любой — Всякий, каждый. Какой угодно (на выбор). [Словарь 1999]

Таким образом, утверждая что-то обо всей совокупности предметов, автор рискует выйти за пределы своей компетенции или за пределы своих интересов. Видимо, этой прагматической причиной и обусловлен выбор избыточных, но недвусмысленно излагающих суть дела причастных форм.

Как мы видим, причастие с семантикой существования в случае аппозитивного употребления выражает то же специфическое значение, которое было зафиксировано при рестриктивном употреблении: ‘тот, который имеет отношение к делу, который уже известен участникам коммуникации’.

Нельзя не отметить, что необходимость выражения такого значения в современной речи возникает в академических, технических

и официальных текстах из необходимости указать на экспертный характер оценки, владение говорящим ситуацией, его компетентность. Кроме того, есть контексты (например, (35) и (36)), где важно подчеркнуть возможность и разнообразие выбора, готовность говорящего предоставить адресату выбор возможностей, т. е. также владение всем классом выбираемых предметов.

Избыточные причастия в примерах типа 4 выходят за пределы речевого стандарта, поскольку 1) дополнительное указание на существование остается необоснованным; 2) в русском языке есть специальные способы указания на степень известности предмета рассмотрения говорящему — прилагательное *известный*, причастие *действующий* и др., указание периода, ограничивающего существование и функционирование предмета обсуждения, см. (37б). Отметим, что именно такие варианты исправления примеров привел один из наших респондентов.

(37б) ... *все известные на сегодняшний день признаки лицензионности.*

Употребление подобных причастий совершенно уместно в таких контекстах, где значение существования не входит в пресуппозицию высказывания, где прямо или имплицитно содержится противопоставление существующего в настоящем и возможного в будущем или бывшего в прошлом; имеющегося или отсутствующего, ср. (38)–(40).

(38) *Модели позволяют более точно определить эффективность существующих и разрабатываемых средств защиты от моделируемых информационных атак.* [«Информационные технологии», 2004 (НКРЯ)]

(39) *Деятельность хакеров побуждается, судя по имеющимся данным, как бескорыстным любопытством и страстью к познанию нового (что соответствует внутренней мотивации), так и стремлением к приобретению жизненных благ, укреплению авторитета, мести реальным или вымышленным врагам и т. п. (что соответствует внешней мотивации).* [«Вопросы психологии», 2003 (НКРЯ)]

- (40) **Все существующие** на сегодняшний день модели сетовых телефонов предусматривают возможность смены языка интерфейса пользовательского меню на русский. (<http://mdforum.ru/showthread.php?t=4336>)

Однако описанный выше тип употребления достаточно частотен в профессиональной речи и, очевидно, причастия *существующий, имеющийся, представленный, происходящий* в указанном употреблении постепенно приобретают статус официально окрашенного клише. Это отметили и участники опроса, прежде всего студенты направления «Журналистика», которые сочли пример (23) штампом, вошедшим в употребление.

3. Использование готовых конструкций как причина нестандартных употреблений причастий

Выше уже говорилось, что в некоторых примерах причастная клауза образована на базе коллокации — глагольной группы с существительным. При этом существительное стало вершиной новой фразы, а на основе глагола было образовано причастие, например: *предоставлять информацию* — *предоставляемая информация* (см. (1)), *вкралась ошибка* — *вкравшаяся ошибка* (см. (27)). Многие клише с плеонастическим причастием образованы таким образом (*Спасибо за предоставленную возможность* и т. п.).

Плеонастические причастия образуются преимущественно от таких глаголов, которые вместе с существительным — вершиной ИГ с причастием образуют коллокации: *происходит старение, наступило время, поставить проблему, предоставить информацию, интерес растет, порча распространяется, заключать договор, выполнять задание* (эти именные и глагольные группы, предикативные конструкции признаны устойчивыми сочетаниями — коллокациями в словаре [Борисова 1995]), также: *предоставлять услугу, проводить исследование* и мн. др. Таким образом, есть основания полагать, что

говорящий оперирует коллокацией и образует из нее причастную клаузу, а не присоединяет избыточное причастие к необходимому существу. Представляется, что сказанное верно не только для названных выше примеров, но и для всех остальных. Иначе говоря, вероятно, что одной из причин плеонастического употребления причастия являлось не столько стремление выразить избыточный смысл, сколько то, что говорящий оперировал готовой конструкцией, и поэтому ему не удалось избежать смыслового повтора.

Это хорошо коррелирует, с одной стороны, с нашим выводом о недостаточном владении средствами письменной речи (и, следовательно, стремлением использовать клише) по крайней мере у некоторых авторов, а с другой — с гипотезой о влиянии стратегий устной разговорной речи, прежде всего присущего разговорной речи активнейшего использования готовых конструкций [Земская и др. 1981: 6].

Отметим, что среди таких коллокаций, перешедших из глагольной группы в именную группу с зависимым причастием, есть не только штампы, о которых уже говорилось выше, но и клише, закрепившиеся в книжной официальной речи:

Установленные правила, принятое решение, сложившееся положение.

Несмотря на плеонастичность причастий, эти сочетания активно используются в речи; очевидно, авторы высказываний используют их для выражения описанных выше значений: анафоры или дейксиса (если отсылка дается к не названному в тексте, но известному в действительности объекту), определенности, таксиса и аспектуальности и др.

4. Являются ли плеонастические причастия канцеляризмами

Как известно, канцеляризмами называют «слова, устойчивые словосочетания, грамматические формы и конструкции, употребление которых в литературном языке закреплено традицией

за официально-деловым стилем, особенно за канцелярско-деловым подстилем» [Шварцкопф 1990]. Среди плеонастических причастий нашей коллекции практически нет лексем, закрепленных за официально-деловым стилем. Можно предположить, что для официально-делового стиля характерно грамматическое явление — употребление плеонастических полных атрибутивных одиночных причастий в специфических, описанных выше функциях.

Поиск в НКРЯ в двух выборках из подкорпуса официально-деловых текстов, 1950–1980 и 2000–2022 гг. показал, что плеонастические причастия в целом редки (менее 1 % от всех употреблений одиночных атрибутивных причастий). Они встречаются здесь примерно с той же частотой, что и в Основном корпусе; частотность их увеличивается незначительно (с 0,6 % в выборке за вторую половину XX в. до 0,8 % в выборке за начало XXI в.). При этом более половины примеров выборки за начало XXI в. относилось к дипломатическим выступлениям (прямая речь), а не собственно к письменной речи документов (см. *Таблицу 1*). Соответственно, если сравнивать употребление плеонастических причастий в Основном корпусе НКРЯ и в письменных текстах официально-деловой сферы, то последние оказываются даже более редки. Доля плеонастических причастий среди общего числа одиночных причастий в выборках за начало XXI века: 0,6 % (Основной корпус НКРЯ) — 0,38 % (письменные официально-деловые тексты). Таким образом, наше предположение о том, что плеонастические, особенно анафорические причастия свойственны официально-деловому стилю (и в первую очередь собственно письменным текстам), не подтверждается.

В то же время в официально-деловой и особенно юридической речи одиночные полные причастия, судя по выборкам из НКРЯ, широко употребляются в рестриктивной функции с целью уточнения идентификации обсуждаемого объекта (41), реже — в аппозитивной, уточняя признаки объекта (42). При этом смысл, передаваемый причастием, нередко очевиден из контекста, однако в документе необходимо уточнение, чтобы избежать юридической неоднозначности. Это может восприниматься неспециалистами как избыточный повтор информации, однако в официально-деловом стиле является

Таблица 1. Употребление плеонастических причастий в официально-деловой сфере и в письменной речи в целом (по НКРЯ)

Table 1. The use of pleonastic participles in the official speech and in the written in general (RNC)

Период	Сфера речи / подкорпус	Общий объем выборки (количество примеров с одиночным атрибутивным полным причастием)	Количество примеров с избыточным причастием и их доля в выборке
1950–1980	Официально-деловая	618	0,6 % (6)
2000–2022	Официально-деловая	1304	0,8 % (11, из них 6 примеров из публикаций дипломатических устных выступлений, 5 (0,38 % от общего числа одиночных причастий) — инструкции, акты, положения)
1950–1970	Основной подкорпус НКРЯ	2000	0,9 % (т. е. 18), из них 3 — научно-учебная, научно-популярная; 14 — воспоминания крупных государственных деятелей (2 автора, 0,7 % от всего количества), 1 — передовица газеты.
2016–2022	Основной подкорпус НКРЯ	2861	0,6 % (18 примеров)
2021–2022	Газетный подкорпус НКРЯ	2010	0,4 % (9 примеров)

способом однозначного выражения референции (о недопустимости неоднозначности в официально-деловом стиле см. [Граудина, Ширяев 2004: 217, 218–230]):

- (41) *Документы, представляемые заявителем, регистрируются в порядке, установленном для регистрации входящей корреспонденции... 7. Представленные копии документов, не заверенные заявителем нотариально, заверяются при приеме и регистрации документов в случае наличия оригиналов.* [Положение об организации работы в системе Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору в области трансграничного перемещения отходов (2005)]

Очевидно, с юридической, деловой точки зрения причастие *представленный* в п. 7 не избыточно, а содержит уточнение — те копии документов, которые заявитель представит при подаче заявления.

- (42) *Сварку КСС выполняют в присутствии трех членов аттестационной комиссии, прошедших специальную подготовку со сдачей практического экзамена по оценке сварочных свойств аттестуемого типа оборудования. Собранные детали КСС должны быть замаркированы и приняты под сварку членом аттестационной комиссии.* [Порядок применения сварочного оборудования при изготовлении, монтаже, ремонте и реконструкции технических устройств для опасных производственных объектов (2003)].

В техническом отношении, очевидно, принципиально важно, что детали предварительно будут собраны и затем удостоверены членом аттестационной комиссии, но для неспециалиста это уточнение не является необходимым.

Вне официально-деловой сферы плеонастические причастия, согласно НКРЯ, оказались свойственны преимущественно учебно-научной речи. Все примеры в Основном подкорпусе принадлежали этой сфере речи (главным образом в жанрах методических материалов и рекомендаций, т. е. включающих официально-деловой, юридический аспект). В газетном подкорпусе НКРЯ в выборке

за 2021–2022 гг. плеонастические причастия составили всего 0,4 % от всех употреблений полных одиночных атрибутивных причастий, при этом почти все примеры содержались в цитатах из речи чиновников и политиков (за исключением единственного примера из сообщения в «Парламентской газете», по стилю очевидно близкой к дипломатической речи). Иначе говоря, в выборке из НКРЯ плеонастические причастия возникали в пограничных функционально-стилевых зонах (учебно-научная документация, официальные публичные политические выступления), совмещающих признаки разных функциональных стилей (однако обязательно включая официальный стиль), разные формы речи (в подготовленной и опубликованной устной речи):

- (43) *Каждый ребенок выбирает макет клюва. Педагог предлагает с помощью **выбранного** клюва собрать корм с земли и из воды.* [О. Л. Литвиненко. Рекомендации для учащихся по проведению простых биологических экспериментов в домашних условиях (2021)].

В примере (43) причастие избыточно, даже тавтологично; форма употреблена анафорически, но, в отличие от рассмотренных в 2.1 примеров, здесь анафорическое причастие не маркирует ИГ как определенную, а выражает дистрибутивное значение (каждый ребенок использует тот клюв, который он выбрал). Стремление к избыточному уточнению референции здесь, очевидно, является результатом ориентации на официальный, юридический стиль.

В результате можно говорить о том, что плеонастические причастия сами по себе не являются специфической чертой официально-делового стиля, но их употребление в других речевых сферах (по крайней мере, плеонастических причастий 1, 2 и 4 типов) можно рассматривать как грамматические канцеляризмы, обусловленные подражанием стратегиям официально-деловой речи, прежде всего стремлению к исчерпывающему, предельно точному указанию референции предмета.

В тех случаях, когда в подобном употреблении закрепляются определенные лексемы, возникают штампы:

Поставленный вопрос, интересующие вопросы, возникающие вопросы, предоставленная возможность; доставленные неудобства и т. п.

Связь плеонастических причастий с определенной функционально-стилистической сферой проявляется и в том, что они могут развивать кванторную семантику в рамках прагматических функций, обусловленных именно официальной (деловой или научной) сферой (тип 4).

5. Плеонастические причастия в учебных и профессиональных текстах

Все рассмотренные типы употребления плеонастических причастий встречаются как в текстах студентов, так и в речи взрослых носителей языка, завершивших образование. Однако тип 4, при котором причастие от глаголов в бытийном употреблении используется

Таблица 2. Плеонастическое употребление причастий в речи студентов и взрослых носителей языка

Table 2. Pleonastic use of participles in the speech produced by students and adult native speakers

Тип	КРУТ и другие студенческие тексты	НКРЯ, СМИ, научные тексты, корпоративная переписка	Всего
Тип 1 (анафор. связь)	18	29	47
Тип 2 (экспликация пресуппозиции)	15	23	38
Тип 3 (нарушение коммуник. структуры)	9	9	18
Тип 4 (кванторная семантика)	2	21	23
Всего	44	82	126

для передачи кванторной семантики, для учебных текстов мало характерен (что, очевидно, объясняется несвойственностью авторам учебных текстов позиции эксперта).

Наиболее часто и в учебных, и в профессиональных текстах встречается анафорическое употребление плеонастического причастия (тип 1).

Статистическое распределение примеров в письменной речи студентов и «взрослых» носителей языка представлено в *Таблице 2* (с. 182).

6. Заключение

Итак, в работе были описаны четыре типа плеонастического употребления полных одиночных причастий. Было показано, что новые избыточные употребления сопровождаются целым рядом грамматических, семантических, прагматических эффектов и возникают в силу различных причин: стремления обозначить определенность именной группы через точную отсылку к предыдущему упоминанию, стремления предельно эксплицировать связи в тексте, попытки выразить аспектуальные и таксисные значения, специфическую квантификацию, тенденции к использованию готовых конструкций. При этом возникают, очевидно, непредвиденные говорящими явления, которые заставляют считать подобные употребления причастия стилистически не самыми удачными: экспликация пресуппозиции высказывания, нарушения в области коммуникативной организации высказывания.

Представляется, что исходной и общей причиной большей части плеонастических употреблений причастия является интерференция стратегий устного и письменного дискурса (в этом отношении нам близка позиция О. Б. Сиротининой [Сиротинина 1983], видевшей главную причину ошибок школьников во влиянии разговорной речи на письменную и описавшей его разные аспекты). Вероятно, можно говорить и о некотором влиянии английского языка, что проявляется в нестандартной коммуникативной организации высказывания из-за употребления причастия вместо глагола или номинализации.

В то же время примечательно, что причастия с избыточной, как правило, бытийной семантикой, не вносящие значимой информации; по большей части входящие в ИГ, видимо, производные от коллокаций, стилистически не самые удачные, употребляются, как представляется, с целью выражения ряда грамматических и прагматических значений, некоторой категориальной семантики (кванторной; семантики определенности и др.). Видимо, говорящие / пишущие используют плеонастические причастия как своего рода маркер той или иной категории (или нескольких сразу). Лексическое значение этого маркера оказывается не столь важным. В результате плеонастическое употребление причастий стоит рассматривать как начальный этап грамматикализации, поскольку семантически опустошенная форма плеонастического причастия оказывается востребована, видимо, в силу того, что выражает определенные грамматические значения.

Дальнейшее и длительное наблюдение за этим процессом, на большем объеме данных, исследование развития конкретных лексем могут показать, будет ли развиваться грамматикализация плеонастических причастий и в каких направлениях.

Литература

- Апресян 1990 — Ю. Д. Апресян. Языковые аномалии: типы и функции // Р. И. Кузьменко (сост.). *Res Philologica*. Памяти акад. Г. В. Степанова (1919–1986). М.; Л.: Наука, 1990. С. 50–71.
- Арутюнова, Ширяев 1983 — Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. Русское предложение. Бытийный тип: Монография. М.: Русский язык, 1983.
- Бельчиков 2012 — Ю. А. Бельчиков. Практическая стилистика современного русского языка: Монография. М.: АСТ-Пресс, 2012.
- Биккулова 2010 — О. С. Биккулова. Семантика и текстовые функции деепричастий в текстах второй половины XVIII — XIX веков (к проблеме формирования современной нормы). Дипломная работа. М.: МГУ, 2010.
- Богданова 1993 — Н. В. Богданова. О синтаксических коррелятах дифференциации уровней речевой культуры // Ф. Л. Скитова (ред.). *Живое слово в русской речи Прикамья: сб. ст.* Пермь: Пермский государственный университет, 1993. С. 92–100.

- Борисова 1995 — Е. П. Борисова. Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарем ключевых слов. М.: Филология, 1995.
- Борковский, Кузнецов 1981 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка: Монография. М.: Высшая школа, 1981.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: ЯРК, 1997.
- Ван Дейк 1980 — Т. А. Ван Дейк. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Василевская 1997 — Л. И. Василевская. Плеоназм // Ю. Н. Караулов (ред.). Русский язык. Энциклопедия. М.: Дрофа, 1997. С. 344.
- Виноградов 1990 — В. А. Виноградов. Плеоназм // В. Н. Ярцева (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Гак 1979 — В. Г. Гак. Повторная номинация на уровне предложения // Г. А. Золотова (отв. ред.). Синтаксис текста: сб. ст. М.: Наука, 1979. С. 91–102.
- Голуб 2007 — И. Б. Голуб. Стилистика русского языка. М.: Айрис-Пресс, 2007.
- Горбачевич 1978 — К. С. Горбачевич. Нормы современного русского литературного языка. Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1978.
- Граудина, Ширяев 2004 — Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев (отв. ред.). Культура русской речи. Учебник для вузов. М.: Норма, 2004.
- Ицкович 1968 — В. А. Ицкович. Языковая норма. М.: Просвещение, 1968.
- Ицкович 1970 — В. А. Ицкович. О языковой норме // В. Г. Костомаров, Л. И. Скворцов (ред.). Актуальные вопросы культуры речи. М.: Наука, 1970. С. 54–62.
- Земская и др. 1981 — Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис: Монография. М.: Наука, 1981.
- Кибрик 2003 — А. А. Кибрик. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2003.
- Кибрик, Подлеская 2006 — А. А. Кибрик, В. И. Подлеская. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // В. Д. Соловьев (ред.). Когнитивные исследования: сб. ст. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 138–158.
- Кобозева 2012 — И. М. Кобозева. Лингвистическая семантика: Учеб. М.: Книжный дом «Либроком», 2012.
- Козинцева 2003 — Н. А. Козинцева. Таксисные функции, передаваемые частями и причастными оборотами, в русском языке // А. В. Бондарко (отв. ред.) Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность. СПб.: Наука, 2003. С. 175–188.

- Копотев, Стексова 2016 — М. В. Копотев, Т. И. Стексова. Исключение как правило: переходные явления в грамматике и словаре: Монография. М.: Языки славянской культуры, 2016.
- Крылова 1992 — О. А. Крылова. Коммуникативный синтаксис русского языка. М.: Изд-во РУДН, 1992.
- Кукушкина 1998 — О. В. Кукушкина. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах: Монография. М.: Диалог-МГУ, 1998.
- Кустова 2005 — Г. И. Кустова. Количественные значения качественных слов // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка: сб. ст. М.: Индрик, 2005. С. 295–305.
- Лаптева 2003 — О. А. Лаптева. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: УРСС, 2003.
- Летучий 2011 — А. Б. Летучий. Фinitность // Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/Фinitность> (дата обращения 29.04.2022).
- Падучева 2007 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: ЛКИ, 2007.
- Падучева 2016 — Е. В. Падучева. Местоимения свободного выбора (*любой* и *серия на -удодно*) // Русская корпусная грамматика. URL: http://rusgram.ru/Местоимения_свободного_выбора (дата обращения 29.04.2022).
- Петрищева 1967 — Е. Ф. Петрищева. К вопросам о критериях нормативности // Вопросы культуры речи. 1967. № 8. С. 34–41.
- Петрухина, Соколова 2008 — Е. В. Петрухина, С. В. Соколова. Проблемы грамматикализации в современном русском языке // А. В. Бондарко, С. А. Шубик (отв. ред.). Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики. СПб.: Наука, 2008. С. 115–139.
- Рахилина 2010 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Азбуковник, 2010.
- Рахилина 2014 — Е. В. Рахилина. Грамматика ошибок: в поисках констант // М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова, В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов, О. В. Федорова (ред.). Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика: сб. ст. СПб.: Алетейя, 2014. С. 87–95.
- Рожкова 2009 — А. Ю. Рожкова. Причастия и деепричастия как маркеры высокого уровня речевой компетенции говорящего (на материале звукового корпуса русской речи юристов). Дипломная работа. СПб.: СПбГУ, 2009 (машинопись).
- Розенталь 2010 — Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Айрис-Пресс, 2010.
- Русакова 2013 — М. Н. Русакова. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка: Монография. М.: Языки славянской культуры, 2013.

- Сай 2011 — С. С. Сай. Причастие // Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/Причастие> (дата обращения 29.04.2022).
- Сиротинина 1983 — О. Б. Сиротинина. Русская разговорная речь: Монография. М.: Просвещение, 1983.
- Словарь 1999 — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка. В 4-х т. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
- Солганик, Дроняева 2008 — Г. Я. Солганик, Т. С. Дроняева. Стилистика современного русского языка и культура речи: учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. журналистики высших учебных заведений. М.: Академия, 2008.
- Степанов 1965 — Ю. С. Степанов. Французская стилистика: Монография. М.: Высшая школа, 1965.
- Фрей 2006 — А. Фрей. Грамматика ошибок: Монография. М.: Комкнига, 2006.
- Цейтлин 1982 — С. Н. Цейтлин. Речевые ошибки и их предупреждение: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1982.
- Цзяхуа 2007 — Чжан Цзяхуа. Аспектуальные семантические компоненты в значении имен существительных в русском языке // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 27–43.
- Шварцкопф 1990 — Б. С. Шварцкопф. Канцеляризм // В. Н. Ярцева (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Haiman, Thompson 1988 — J. Haiman, S. Thompson (eds.). Clause Combining in Grammar and Discourse. (Typological studies in language, v. 18). Amsterdam; Philadelphia. John Benjamins Publishing Company. 1988. P. 441–457.
- Van Dijk 1982 — T. A. Van Dijk. Episodes as units of discourse analysis // D. Tannen (ed.). Analysing discourse: Text and Talk. Washington, D. C.: Georgetown University Press, 1982.

Источники

- Британский национальный корпус, раздел “Phrases in English”. URL: <http://phrasesinenglish.org/index.html> (дата обращения: 29.04.2022).
- Корпус русских учебных текстов (КРУТ). URL: http://web-corpora.net/learner_corpus (дата обращения: 29.04.2022).
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 29.04.2022).
- Поисковая система «Гугл». URL: <https://www.google.ru>.
- Поисковая система «Яндекс». URL: <http://yandex.ru>.

References

- Apresjan 1995 — Yu. D. Apresjan. *Yazykovye anomalii: tipy i funktsii* [Language anomalies: types and functions]. R. I. Kuzmenko (comp.). *Res Philologia*. Filologicheskie issledovaniya (Philological studies). Moscow; Leningrad: Nauka, 1995.
- Arutyunova, Shiryaev 1983 — N. D. Arutyunova, E. N. Shiryaev. *Russkoe predlozhenie. Bytiynnyy tip* [Russian sentence. Copula type]. Moscow: Russkiy yazyk, 1983.
- Bel'chikov 2012 — Yu. A. Bel'chikov. *Prakticheskaya stilistika sovremennogo russkogo yazyka* [Practical stylistics of the contemporary Russian]. Moscow: AST-Press, 2012.
- Bikkulova 2010 — O. S. Bikkulova. *Semantika i tekstovyye funktsii deyeprichastiy v tekstakh vtoroy poloviny XVIII — XIX vekov (k probleme formirovaniya sovremennoy normy)* [Semantics and textual functions of adverbs in texts of the second half of the XVIII — XIX centuries (on the problem of the formation of a modern norm)]. *Diplomnaya rabota* [Graduate thesis]. Moscow: Moscow State University, 2010.
- Bogdanova 1993 — N. V. Bogdanova. *O sintaksicheskikh korrelyatakh differentsiatsii urovney rechevoy kultury. Zhivoe slovo v russkoy rechi Prikamya* [On syntactic correlates in differentiation of the levels of speech culture. Current processes in the Russian speech in Prikamye]. Perm: Perm State University Press, 1993. P. 92–100.
- Borisova 1995 — E. P. Borisova. *Slovo v tekste. Slovar kollokatsii (ustoychivyykh sochetaniy) russkogo yazyka s anglo-russkim slovaryom klyuchevyykh slov* [Word in text. A dictionary of Russian collocations (fixed word combinations) and an English-Russian dictionary of key words]. Moscow: Filologiya, 1995.
- Borkovskii, Kuznetsov 1981 — V. I. Borkovskii, P. S. Kuznetsov. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [A historical grammar of Russian]. Moscow: Vysshaya shkola, 1981.
- Bulygina, Shmelev 1997 — T. V. Bulygina, A. D. Shmelev. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (Russian grammar evidence)]. Moscow: YARK, 1997.
- Frey 2006 — A. Frey. *Grammatika oshibok* [A grammar of errors]. Moscow: Komkniga, 2006.
- Gak 1979 — V. G. Gak. *Povtornaya nominatsiya na urovne predlozheniya. Sintaksis teksta* [Repeated nomination at the sentence level. The syntax of text]. Moscow: Nauka, 1979. P. 91–102.
- Golub 2007 — I. B. Golub. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Ayris-Press, 2007.

- Gorbachevich 1978 — K. S. Gorbachevich. *Varietnost slova i yazykovaya norma (na materiale sovremennogo russkogo yazyka)* [Language variability and language norm (modern Russian evidence)]. Leningrad: Prosveshchenie, 1978.
- Graudina, Shirayayev 2004 — L. K. Graudina, E. N. Shirayayev (eds.). *Kultura russkoy rechi. Uchebnik dlya vuzov* [The Russian speech culture. A textbook for universities]. Moscow: Norma, 2004.
- Haiman, Thompson 1988 — J. Haiman, S. Thompson (eds.). *Clause Combining in Grammar and Discourse*. (Typological studies in language, v. 18). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 441–457.
- Itskovich 1968 — V. A. Itskovich. *Yazykovaya norma* [Language norm]. Moscow: Prosveshcheniye, 1968.
- Itskovich 1970 — V. A. Itskovich. O yazykovoy norme [On the language norm]. V. G. Kostomarov, L. I. Skvortsov. *Aktualnye voprosy kultury rechi* [Current issues of the culture of speech]. Moscow: Nauka, 1970. P. 54–62.
- Kibrik 2003 — A. A. Kibrik. *Analiz diskursa v kognitivnoy perspective* [Discourse analysis in the cognitive perspective]. Dr. habil. thesis. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2003.
- Kibrik, Podlesskaya 2006 — A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaya. Problema segmentatsii ustnogo diskursa i kognitivnaya sistema govoryashchego [A problem of oral discourse segmentation and the speaker's cognitive system]. V. D. Solov'yov (ed.). *Kognitivnye issledovaniya* [Cognitive studies]. Vol. 1. Moscow: Institute of Psychology RAS, 2006. P. 138–158.
- Kobozeva 2012 — I. M. Kobozeva. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: Knizhnyy dom "Librokom", 2012.
- Kopotev, Steksova 2016 — M. V. Kopotev, T. I. Steksova. *Isklyuchenie kak pravilo: perekhodnye yavleniya v grammatike i slovare* [Exception as a rule: transitional phenomena in grammar and vocabulary]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2016.
- Kozintseva 2003 — N. A. Kozintseva. Taksisnyye funktsii, peredavayemyye prichastiyami i prichastnymi oborotami, v russkom yazyke [Taxic functions conveyed by participles and participial phrases in Russian]. A. V. Bondarko (ed.). *Problemy funktsionalnoy grammatiki. Semanticheskaya invariantnost / variativnost* [Problems of the functional grammar. Semantic invariance / variability]. St. Petersburg: Nauka, 2003. P. 175–188.
- Krylova 1992 — O. A. Krylova. *Kommunikativnyy sintaksis russkogo yazyka* [A communicative syntax of the Russian language]. Moscow: Publishing House of RUDN University, 1992.
- Kukushkina 1998 — O. V. Kukushkina. Osnovnye tipy rechevykh neudach v russkikh pismennykh tekstakh [Basic types of speech failures in Russian written texts]. Moscow: Dialog-MGU, 1998.

- Kustova 2005 — G. I. Kustova. Kolichestvennye znacheniya kachestvennykh slov [Quantitative meanings of qualitative words]. N. D. Arutyunova (ed.). *Logicheskiy analiz yazyka* [Logical analysis of language]. Moscow: Indrik, 2005. P. 295–305.
- Lapteva 2007 — O. A. Lapteva. *Zhivaya russkaya rech s teleyekrana: Razgovornyy plast televizionnoy rechi v normativnom aspekte* [Russian vernacular on TV: The colloquial stratum of the TV language from a normative aspect]. Moscow: URSS, 2003.
- Letuchiy 2011 — A. B. Letuchiy. Finitnost [Finiteness]. *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian corpus grammar]. Available at: <http://rusgram.ru/%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (accessed on 29.04.2022).
- Paducheva 2007 — E. V. Paducheva. *Vyskazyvaniye i yego sootnesennost s deystvitelnostyu* [The utterance and its correlation with reality]. Moscow: LKI, 2007.
- Paducheva 2016 — E. V. Paducheva. Mestoimeniya svobodnogo vybora (*lyuboy* i seriya na *-ugodno*) [Pronouns of free choice (*lyuboy* and the pronoun series in *-ugodno*)]. *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian corpus grammar]. Available at: http://rusgram.ru/%D0%9C%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%B0 (accessed on 29.04.2022).
- Petrishcheva 1967 — E. F. Petrishcheva. K voprosam o kriteriyakh normativnosti [Towards the criteria of normativity]. *Voprosy kultury rechi*. 1967. No. 8. P. 241–147.
- Rakhilina 2010 — E. V. Rakhilina. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetayemost* [A cognitive analysis of substantive nouns: meaning and compatibility]. Moscow: Azbukovnik, 2010.
- Rakhilina 2014 — E. V. Rakhilina. Grammatika oshibok: v poiskakh konstant [A grammar of errors: in a search of constants]. M. A. Daniel, A. E. Lyutikova, V. A. Plungian (eds.). *Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati A. E. Kibrika* [Language. Constants. Variables. In memoriam of A. E. Kibrik]. St. Petersburg: Aleteya, 2014. P. 87–95.
- Petrukhina, Sokolova 2008 — E. V. Petrukhina, S. V. Sokolova. Problemy grammatikalizatsii v sovremennom russkom yazyke [Problems of grammaticalization in modern Russian]. A. V. Bondarko, S. A. Shubik (eds.). *Problemy funktsionalnoy grammatiki: Kategorizatsiya semantiki* [Problems of the functional grammar. Categorization of meaning]. St. Petersburg: Nauka, 2008. P. 115–139.
- Rozental' 2010 — D. E. Rozental'. *Spravochnik po pravopisaniiyu i literaturnoy pravke* [Spelling and literary text revision: a manual]. Moscow: Ayris-Press, 2010.
- Rozhkova 2009 — A. Yu. Rozhkova. *Prichastiya i deeprichastiya kak markery vysokogo urovnya kompetentsii govoryashchego (na materiale zvukovogo*

- korpusa russkoy rechi yuristov*) [Participles and converbs as markers of the speaker's high-level competence (on evidence of the corpus of recorded Russian lawyers' speech)]. Unpublished manuscript. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2009.
- Rusakova 2013 — M. N. Rusakova. *Elementy antropotsentricheskoj grammatiki russkogo yazyka* [Components of an anthropocentric grammar of Russian]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2013.
- Say 2011 — S. S. Say. Prichastie [Participle]. *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian corpus grammar]. Available at: <http://rusgram.ru/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B5> (accessed on 29.04.2022).
- Sirotnina 1983 — O. B. Sirotnina. *Russkaya razgovornaya rech* [Russian colloquial speech]. Moscow: Prosveshchenie, 1983.
- Slovar 1999 — A. P. Evgen'yeva (ed.). *Slovar russkogo yazyka* [A dictionary of Russian]. In 4 vol. Moscow: Poligrafresursy, 1999.
- Solganik, Dronyayeva 2008 — G. Ya. Solganik, T. S. Dronyayeva. *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka i kultura rechi: uchebnoe posobiye dlya stud. filol. fak. i fak. zhurnalistiki vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Stylistics of the modern Russian language and speech culture: a textbook for students of philological and journalism faculties of higher educational institutions]. Moscow: Akademiya, 2008.
- Shvartskopf 1990 — B. S. Shvartskopf. Kantselyarizmy [Bureaucratese]. V. N. Yartseva (ed.). *Lingvisticheskiy yentsiklopedicheskiy slovar* [A linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya yentsiklopediya, 1990.
- Tseytlin 1982 — S. N. Tseytlin. *Rechevye oshibki i ikh preduprezhdenie: Posobie dlya uchiteley* [Speech errors and their prevention: A textbook for teachers]. Moscow: Prosveshchenie, 1982.
- Tsyzhakhua 2007 — Chzhan Tsyzhakhua. Aspektualnyye semanticheskiye komponenty v znachenii imen sushchestvitelnykh v russkom yazyke [Aspectual semantic components in the meaning of nouns in the Russian language]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2007. № 1. P. 27–43.
- Van Dijk 1980 — T. A. Van Dijk. *Yazyk, poznaniye, kommunikatsiya* [Language, cognition, communication]. Moscow: Progress, 1989.
- Van Dijk 1982 — T. A. Van Dijk. Episodes as units of discourse analysis. D. Tannen (ed.). *Analysing discourse: Text and Talk*. Washington, D. C.: Georgetown University Press, 1982.
- Vasilevskaya 1997 — L. I. Vasilevskaya. Pleonazm [Pleonasm]. Yu. N. Karaulov (ed.). *Russkiy yazyk. Yentsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow: Drofa, 1997. P. 344.

- Vinogradov 1990 — V. A. Vinogradov. Pleonazm [Pleonasm]. V. N. Yartseva (ed.). *Lingvisticheskiy yentsiklopedicheskiy slovar* [A linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya yentsiklopediya, 1990.
- Zemskaya et al. 1981 — E. A. Zemskaya, M. V. Kitaygorodskaya, E. N. Shiryaev. *Russkaya razgovornaya rech* [Russian colloquial speech]. Moscow: Nauka, 1981.

Получено / received 03.05.2022

Принято / accepted 21.12.2022